

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-324-25-36

УДК 82.091

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ЖАНРЕ РОЖДЕСТВЕННОГО РАССКАЗА: ОТ ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОЙ ПРОЗЫ К ТЕКСТАМ XXI В.¹

Н.В. Ковтун (Красноярск, Россия)

А.В. Бурылова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Жанр рождественского рассказа существует столетия и по-прежнему востребован у авторов и читателей, однако изменения в обществе влияют на основные тенденции внутри литературы. Даже такой устойчивый, канонический жанр, как рождественский рассказ, не избежал изменений в отношении гендерной проблематики, образной системы.

Цель статьи – рассмотреть, как трансформируются женские образы в жанре современного рождественского рассказа в свете гендерной проблематики.

В работе используются следующие *методы*: историко-культурный, структурно-типологический анализ текста.

Результаты исследования. Типология женских персонажей в рождественском рассказе, как правило, довольно устойчива – девочка-сиротка, мать, старуха и юная девушка, собирающаяся замуж. Эти образы переместились и в современные тексты, однако претерпели изменения.

Выводы. Жанр рождественского рассказа в современной прозе не утрачивает своей актуальности, но переосмысливается, а вместе с ним изменяется и система образов. Женские персонажи выходят на передний план, трансформируются из статичных образов невинных девушек, будущих жен и хранительниц очага, характерных для канона, становятся более сложными, многогранными, приобретают андрогинные черты. Богородичные мотивы в образах отходят на второй план или вовсе исчезают, гендерные роли изменяются, женщины берут на себя мужские функции, что в целом отвечает настроениям времени.

Ключевые слова: *рождественская проза, гендерная проблематика, Л. Улицкая, Л. Петрушевская.*

Постановка проблемы. Современная литература, отражая бифуркацию культурной парадигмы, переосмысливая отношения между поколениями, полами, человеком и Богом, обращается и к христианской тематике. Достаточно востребованным жанром христианской литературы остается жанр рождественского рассказа. Насколько возможно изменение канонов религиозного жанра под влиянием в том числе гендерных проблем – вопрос, который интересует авторов статьи.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Рождественская проза относится к календарной, то есть приуроченной к церковной календарной системе, обладающей содержанием, связанным с праздничной обрядностью. Она берет начало из средневековых мистерий, заимствуя общую атмосферу происходящего чуда. Основоположником жанра рождественского рассказа считается Чарльз Диккенс, тексты которого отвечали на социальный запрос – его истории показывали несправедливость общественного уклада, призывали к повышению нравственности и норм морали, побуждали к состраданию. Первый русский перевод «Рождественской песни в прозе» вышел в конце XIX в., во многом определив читательский спрос на тексты подобной тематики. В России одним из основоположников названного жанра стал Н.А. Полевой, издатель журнала «Московский телеграф», который в 1826 г. опубликовал в двенадцатом, декабрьском номере свое произведение «Святочные рассказы».

Обзор научной литературы. В литературоведении до сих пор одним из спорных вопросов остается вопрос разграничения или объединения святочных, новогодних и рождественских рассказов. Некоторые авторитетные исследователи, как, например, В.Н. Захаров, придерживаются мнения, что святочные и рождественские рассказы не могут быть тождественны, поскольку имеются конфессиональные различия между западным и русским празднованием Рождества [Захаров, 1994]. Стоит, однако, отметить, что зачастую сами авторы не учитывают различия между названными жанрами. Мы придерживаемся позиции, высказанной Е.В. Капинос, Е.Н. Проскуриной [Словарь-указатель..., 2006], Л.Г. Александровым [Александров, 2009] и Е.В. Душечкиной [Душечкина, 1995], которая сводится к следующему: «Термины эти, как показывает сравнение текстов с разными подзаголовками, вполне взаимозаменяемы, и часто текст с преобладающими святочными мотивами называется “рождественским рассказом” и, наоборот, – текст с доминирующими рождественскими мотивами называется “святочным”. Рассказ же, обозначенный как “новогодний”, в свою очередь, мог включать в себя семантику и Рождества, и народных святок» [Душечкина, 1995, с. 200].

Впоследствии традиция публиковать календарную прозу в журналах в преддверии праздника определила повышенный интерес к подобным литературным жанрам. Востребованность рассказов с рождественской тематикой в известной мере подстегивалась интересом к ним представителей эпохи романтизма: «К началу XIX века святочная тематика уже утвердилась в культурном сознании как в наибольшей степени характеризующая природу русского национального характера, познанием которого был так озабочен романтизм» [Душечкина, 1995, с. 85].

Выдающуюся роль в развитии святочной литературы сыграла баллада В.А. Жуковского «Светлана», которая описывала любимые в народе гадания, былички и святочные традиции. Наибольшим спросом жанр пользовался во второй половине XIX в., рассказы печатали в газетах, журналах, выпускали тематические альманахи. С жанром рождественского рассказа в отечественной традиции связаны имена Ф.М. Достоевского [Ляпина, 2012], Н.С. Лескова, А.П. Чехова [Напцок, 2017] и многих других.

После революции, когда религиозная традиция вытесняется из повседневной жизни, жанр рождественского рассказа уходит на периферию культуры. В 1929 г. было отменено празднование Рождества, на смену ему только шесть лет спустя приходит празднование Нового года, однако потребность читателя в приуроченном к празднику волшебном тексте осталась. Поэтому в советское время рождественские рассказы заменили на новогодние истории, уже утратившие христианскую направленность, но сохраняющие атмосферу ожидания праздника и чудес.

В январе 1990 г. вышел закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», который гарантировал свободу в выборе религии для каждого гражданина. И уже в декабре 1990-го Рождество стало нерабочим днем. К началу 90-х жанр рождественского рассказа становится достаточно популярным, в 1991 г. выходит сборник «Рождественские истории», где в предисловии написано, что книга «возрождает давно забытую традицию... – дает ребенку первые представления об основах христианской морали, о добре и милосердии» [Рождественские..., 1991].

Жанром рождественского рассказа теперь активно интересуются исследователи. Наиболее авторитетными представляются труды Е.В. Душечкиной «Русский святочный рассказ: становление жанра» (1995), М.А. Кучерской «Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени» (1997). К проблеме истории жанра на материале литературы XIX – начала XX в. обращаются Н.Н. Старыгина [Старыгина, 2013], О.Н. Калиниченко [Калиниченко, 2000] и другие. В настоящее время опубликован ряд работ, посвященных трансформации жанра на основе литературы последних десятилетий. Это книги Ю.Ю. Даниленко [Даниленко, 2014], Т.Н. Козиной [Козина, 2017], Т.В. Садовниковой [Садовникова, 2015] и других.

Чарльз Диккенс заложил основу структуры рождественского рассказа, где, помимо фантастического элемента чуда, было обращение к социальным проблемам, остро стоящим во всем мире: бедность, тяжелые условия труда, низкий уровень грамотности населения. Художник подчеркивал ценность образа домашнего очага и праздничного семейного единения. Эти особенности сформировали особый тип героя как выходца из низов, чаще всего ребенка, сироту, страдающего нравственно или физически.

Рядом с образом ребенка всегда стоит образ матери – реальной или представленной в мечтах. Мать, наделенная богородичными чертами, является важнейшей частью одинокого бытия. Она также страдает, будучи вдовой или многодетной работающей женщиной, но при этом всегда является центром притяжения семьи. Важно отметить, что мужские образы в таком патриархальном жанре практически не представлены либо не играют важной роли. Такой выбор героев обуславливается в том числе дидактической составляющей – персонажи должны вызывать у читателя сочувствие, чтобы их пример показал, что нужно соблюдать христианские добродетели, а образы тяжело работающих вдов и сирот были наиболее подходящими для этой цели. В современном обществе изменение гендерных ролей «отчасти связано и с исторической ситуацией: революции, войны, лагеря выбили, обессилили мужское население, не только забота

о доме <...> легла на баб, но и часть сугубо мужских обязанностей <...>, что отразилось в появлении андрогинных фигур» [Ковтун, 2022а, с. 7]. В актуальной прозе, отражающей проблемы современности, серьезно изменяется и жанр рождественского рассказа, что мы и рассмотрим.

Цель статьи – рассмотреть, как трансформируются женские образы в жанре современного рождественского рассказа в свете гендерной проблематики.

В работе используются следующие *методы*: историко-культурный, структурно-типологический анализ текста.

Результаты исследования. Гендерная проблематика является важной темой русской литературы. В статье «Кто они, героини современной прозы: „Баба-богатырка“, „Баба с подушкой“ или Бизнес-леди?» автор отмечает, что «современная русская литература сохраняет интерес к женским образам, но классические типажи получают здесь ироническое, остраненное прочтение. Страстный поиск своего героя, который мог бы ответить на вызовы времени, заставляет обращаться то к новым амазонкам, то к ангельским созданиям, по которым тоскуют в городских сумерках» [Ковтун, 2022б, с. 115]. Подчеркнем, даже такой устойчивый, имеющий жесткие каноны жанр, как рождественский рассказ, не избежал изменений в отношении гендерных вопросов. Трансформацию женских образы мы рассмотрим на материале знаковых текстов Людмилы Евгеньевны Улицкой и Людмилы Стефановны Петрушевской. Обе писательницы обращаются к жанру рождественского рассказа, очень интересно преломляют в собственных текстах гендерную проблематику. Следует отметить, что для литературы начала 2000-х гг. характерны размывание жанровых границ, деконструкция и трансформация существующих форм, поиск новых художественных решений. Л. Петрушевская и Л. Улицкая, обращаясь к традиционному жанру рождественского рассказа, привносят в него нечто новое.

«С одной стороны, рождественский рассказ связан с церковно-просветительской работой, с другой, рассказы обозначенного типа приобретают светский характер, являя себя в различных модификациях, порой весьма неожиданных <...> в творчестве современных писателей» [Садовникова, 2015, с. 45]. Еще в 1993 г. Л. Петрушевская публикует сборник «По дороге Бога Эроса», где христианские мотивы принципиально значимы, женские фигуры подсвечены образом Богородицы. Один из ключевых в этом ряду рассказ «Еврейка Верочка».

Героиня рассказа – «чудесная» мастерица, пытающаяся укрыться от «безумного» мира (рока) на «благоустроенном острове», в «дивной» комнате «молодой художницы», где «много книг, зеркал, портьер, все темное и сверкающее, ковры и подушки» [Петрушевская, 1993, с. 112]. Трагизму истории и тяготам судьбы героиня противопоставляет личные усилия по сотворению красоты, собственное мастерство. Верочка шьет «роскошные» вещи, которые для нарратора олицетворяют «светлую мечту», некое укрытие, надел их – «и человек, надел – и не стыдно», можно не прятаться по углам, чувствовать себя красивым, обновленным. Верочка творит чудеса собственными руками, преображая людей. Но и эту праведницу, что по собственному признанию рассказчицы, жила «честно и блестяще»,

настигает рок – страшная болезнь и смерть. Миру Верочки, утонченному и прекрасному, нет места в пространстве хаоса, жесткой истории, душа ее «неизвестно в каком раю». Однако сама инвариантность ситуации (образ «неизвестного рая») оставляет ощущение неоднозначности происходящего, тайны, смысл которой не может быть расшифрован окончательно: после смерти Верочки остается ее ребенок. Древнейший архетип Матери и Дитя дан через восприятие рассказчицы, что делает повествователя центром художественного мира.

Соблазн «женственностью», «красотой», «слабостью», вплоть до обреченности исподволь разрушает веру в логоцентризм, открывает дар со-участия, сострадания как основу бытия. В свете христианского мифа образ Верочки соотносен с образом Богородицы: говорящее имя, национальность, «личико как светлое яичко». Дитя, оставленное миру, – жертва, принесенная в надежде на пробуждение милосердия, единственной опоры в абсурдном бытии. Реальность неизменна, тяжела, ее невозможно преобразить (рок), но в ней можно преобразиться, открыв живительный источник в обретенном или придуманном чувстве. В 2011 г. Л.С. Петрушевская выпускает сборник рассказов «Котенок Господа Бога» с подзаголовком «рождественские истории», в который вошли рассказы «Мальчик Новый год» и «Как Пенелопа». Ее коллега по цеху Л. Улицкая еще в 2005 г. публикует книгу «Люди нашего царя», в которую вошел рассказ «Путь осла». Оба сборника объединяют тема поиска чудес в обыденной жизни, интерес к жанру рождественской прозы.

Типология женских персонажей в рождественском рассказе, как правило, довольно устойчива – девочка-сиротка, мать, старуха и юная девушка, собирающаяся замуж. Эти образы переместились и в современные тексты, однако претерпели изменения. Отличительной чертой женских образов в рождественских рассказах являются богородичные мотивы. Нравственная чистота, милосердие, кротость, материнство или стремление к нему – частые характеристики женских персонажей, встречающиеся в канонических текстах. К примеру, в рассказе «Грезы детства – счастье старости» из сборника дореволюционных рассказов «Рождественские истории» маленький мальчик убежал в лес и разговаривал с елочкой. И первое, что он увидел, когда проснулся после этого приключения: «...над ним склонилось доброе, милое лицо матери, с улыбкой смотревшей в его глаза» [Рождественские..., 1991, с. 12]. Мать не ругает его за побег, наоборот, терпеливо вразумляет, и то, что она склоняется над ним, напоминает читателю о церковных фресках, где Богородица сверху вниз смотрит на своих чад. Или рассказ «В тесноте да не в обиде», где главная героиня с говорящим именем Любовь, сама не имеющая детей, призывает в Рождественскую ночь сироток. Автор описывает ее так:

«Совсем молоденькая, веселая, ласковая; сама – такая большеглазая, красивенькая, точно картинка», «хорошая из нее мать будет, коли ей Господь деточек пошлет» [Рождественские..., 1991, с. 49]. Героиня обладает красотой не только физической, но и духовной, жаждет обрести высшее счастье – стать матерью, выполнить главную женскую функцию. И пока она не может родить своих детей, она готова помогать чужим.

Современная проза переосмысляет роль женщины в мире, она уже не обязана быть только женой и матерью, но может наделяться чертами самостийности, даже андрогинности. В рассказе Л. Петрушевской «Мальчик Новый год» профессия главной героини, Ариши, определена как «клоун», при том что существует зафиксированный в словарях, устоявшийся феминитив «клоунесса». Этот выбор слова неслучаен, поскольку дальше по тексту маскулинные черты героини лишь подкрепляются: «Она была совершенно лысая, как новобранец, потому что натягивать парики на свои естественные буйные кудри ей всегда было лень. Побрившись много лет назад, она плюнула на свою внешность, была свой парень в коллективе...» [Петрушевская, 2012, с. 6].

Все это объясняется тем, что важнейшую патриархальную женскую функцию Ариша не выполнила – ее партнер погиб и она «не смогла доносить беременность, все» [Петрушевская, 2012, с. 6]. Встреча с мальчиком Никитой, чья мама находилась при смерти, пробудила в Арише милосердие, однако примечательно, что свою историю Никита рассказал не ей, а ее напарнику Семе, хотя обычно женщины вызывают у детей больше доверия. Забота о мальчике заставляет Аришу вспомнить о своем несостоявшемся материнстве:

«– Да я Никитку не брошу, вы что, – возразила Ариадна, взволновавшись. – У меня тоже ребенок должен был быть» [Петрушевская, 2012, с. 16]. Она готова приютить чужого ребенка, встреченного пару часов назад, проявляя милосердие. Даже ее имя, Ариша, трансформируется в полную форму, Ариадна, что с греческого переводится как «священная». Ариадна – это и выводящая из Лабиринта к свету, что отражает образ нити Ариадны. Этот переход показывает, что, несмотря на внешнюю маскулинность, героиня сохраняет в себе милосердие, жертвенность и заботу о ближних. История закончилась, как и полагается, чудом, но чудом только для мальчика и его мамы. Немолодые артисты, Сема и Ариша, закончив свой спектакль, исчезли со сцены.

В рассказе «Как Пенелопа» главной героиней становится молодая девушка. Л. Петрушевская описывает героиню так: «...обыкновенная, ничем не примечательная, никому особенно не нужная, кроме мамы. Никто на эту девушку не обращал внимания, не дарил ей цветов» [Петрушевская, 2012, с. 19]. Как уже отмечалось, образы девушек в традиции рождественского рассказа были очень женственными, подчеркивалась их готовность стать женой и матерью. В характере Оксаны, напротив, нет мягкости: «Может быть, сказывалась ее сдержанность, даже какая-то суровость» [Петрушевская, 2012, с. 16]. Она понимает свою некрасивость, прячется от мира: «Девушка боялась их, и на улице тоже всех боялась, одевалась потемнее, шапку натягивала до бровей, сутулилась» [Петрушевская, 2012, с. 16], даже собственное имя ей кажется чересчур торжественным и красивым, неподходящим для нее, впоследствии она приходит к «церковному» варианту – Ксения.

В противовес Оксане ее мать описывается как жалостливая и щедрая женщина, которая способна отдать последние деньги незнакомому человеку, работать бесплатно, приютить бедную родственницу: «Так что мама у Оксаны была известный типаж, что и говорить, с ее широко открытыми глазами и полной верой

во все, на что ей жаловались, – она кидалась помочь даже безо всяких просьб» [Петрушевская, 2012, с. 17]. Эта доброта и становится катализатором рождественского чуда – к ним из Полтавы переезжает бывшая свекровь Нины Сергеевны, Клавочка, чей сын попал в неприятности с деньгами. Старушка не хочет быть приживалкой и всеми силами старается помогать приютившим ее людям, в том числе шьет одежду для Оксаны. Сам образ швеи актуализирует в тексте миф о Великой Матери, плетущей нить Судьбы. В семье нет мужчины, поэтому Оксана приходится выполнять мужские функции, бросить курсы английского языка и пойти работать, чтобы содержать Нину Сергеевну и Клавочку.

К Новому году, чтобы порадовать близких, «Оксана прихватила со склада небольшую тую в горшке – чтобы она сыграла роль елочки с последующим возвращением на место» [Петрушевская, 2012, с. 18], но Клавочка называет тую символом «вечного покоя» – такое дерево растет «в ногах» ее семьи на кладбище в Полтаве. Туя одновременно является и символом долголетия, ее также называют «дерево жизни». Выступая в роли рождественского дерева, она сулит героиням изменения в судьбе. Клавочка и Нина Сергеевна шьют для Оксаны новогодний наряд – платье из шелка апельсинового цвета. После долгих уговоров Оксана наряжается, но новое платье не приносит ей радости: «И зачем только такие труды? Ради чего мать сидела вырезала тонкими ножничками этот узор? Кто его увидит? Вся ее беспроблемная, неинтересная будущая жизнь вдруг предстала перед ней. Компьютер, факс, принтер, комнатка, заваленная бумагами...» [Петрушевская, 2012, с. 19].

Платье, сшитое с любовью и из лучших побуждений, превращает Оксану в подлинную красавицу, новый наряд подчеркивает женственность героини, оказывается, что у нее прекрасные длинные волосы, сияющие глаза, она похожа на принцессу, Клавочка же считает, что на Пенелопу Крус. В момент преображения Оксаны происходит то самое рождественское чудо – в квартиру стучится Михаил, внук Клавочки, уже уладивший все свои финансовые проблемы. Он, конечно, влюбляется в Оксану с первого взгляда. Финал рассказа открытый, однако надежда на счастливый исход оставлена. Как и в традиционном рождественском тексте, персонажи своей добротой, скромностью и щедростью, проявленными в очень сложных жизненных обстоятельствах, заслуживают счастье. В рассказе неоднократно упоминаются христианские мотивы – и имя Ксения, которым в финале Оксана все же называет себя, представляясь Михаилу, и упоминание того, что сидящая Клавочка похожа на деревянные скульптуры пермских святых, и иконки, молитвенник, хранящиеся в доме. Все это подчеркивает связь с истоками рождественского жанра.

Оксана открывает в себе подлинное женское начало, однако классические богородичные черты в образе не акцентируются, выделяются именно очарование женственности и нега: «А мама Нина смотрела на свою дочь и гадала, откуда такая лень в ее движениях, такое спокойствие, такие искры в смеющихся черных глазах. Кудри по плечам» [Петрушевская, 2012, с. 20]. Само название рассказа «Как Пенелопа» указывает на то, что вся предыдущая жизнь Оксаны была ожиданием подлинной встречи с судьбой, суженым. Михаил же проходил в ее судьбе некой пунктирной линией – героиня много лет донашивала одежду, которую Клавочка шила

внуку. Дальнейшая судьба персонажей остается неизвестной, рождественское чудо произошло, но религиозная составляющая здесь играет не главную роль, поэтому грядущее счастье героев – тихое, связанное с исконным женским началом.

Рассказ «Путь осла» Л. Улицкой тоже относится к жанру рождественского рассказа, хотя действие здесь происходит летом. Текст наполнен христианскими мотивами и библейскими аллюзиями, которые подробно рассматриваются в статье Т.В. Садовниковой [Садовникова, 2015]. Мы же обратимся к женским образам, представленным в тексте. Хозяйка дома, Женевьев, была и женой, и матерью, однако отказалась от этих ролей, пожелав получить «совершенное одиночество»: «К Женевьев изредка приезжали погостить взрослые дети – сын и дочь, с которыми особенной близости не было... Она радовалась им, но также радовалась, когда они уезжали, оставляя ее в одиночестве...» [Улицкая, 2021, с. 13]. Встреча персонажей наполнена, однако религиозными мотивами – их трапеза похожа на причастие – они пьют вино и едят пресные лепешки, которые испекла Женевьев. Все они давно знакомы друг с другом, но такой компанией собираются впервые, рассказчица, Женя, подчеркивает необычность этой встречи: «Но в воздухе происходило нечто такое, что они мне в этот момент были ближе друзей и родственников, возникла какая-то мгновенная сильнейшая связь, природу которой не могу объяснить» [Улицкая, 2021, с. 13].

Рождество начинается с девочки Иветт – она играет на фортепиано песенки, которые готовит к рождественской программе, после все герои в той или иной мере оказываются связаны с рождественской тематикой. Несмотря на наличие мужских персонажей, именно женщины в тексте выполняют своеобразную роль волхвов – Женевьев и Эйлин своей музыкой пробуждают в Шарле эмоции: «Эйлин закончила пение, покружила малыша вокруг себя, и все увидели, что он улыбается» [Улицкая, 2021, с. 25], – которые затем станут отправной точкой чуда – Шарль наконец заговорит, а Женя встретит Вифлеемскую звезду, принесет весть о Рождестве. Образ Мари является прямой отсылкой к образу Богородицы, что подчеркнуто в тексте: «Происходило Рождество...: странное, смещенное, разбитое на отдельные куски, но все необходимые элементы присутствовали: младенец, Мария и ее старый муж, пастух... присутствовал агнец и звезда подала знак» [Улицкая, 2021, с. 25]. Однако свою главную богородичную функцию – здоровое материнство, героиня не выполняет. Ее сын, Шарль, болен: «Мари вышла и через минуту принесла из внутренних комнат ребенка... ручки и ножки его висели, как у тряпичной куклы» [Улицкая, 2021, с. 17].

В финале текста чудо оказывается бытовым событием – малыш Шарль не исцеляется, но он начинает говорить, встречается со Словом, ягненок не выживает, умирает на следующий же день, само Рождество в тексте названо «смещенным», «разбитым», что подчеркивает опасность утраты современным человеком веры, добродетели. Важным становится то, что героям удалось почувствовать саму атмосферу чуда, особой душевной близости хоть на несколько часов!

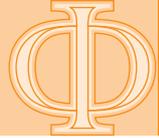
Выводы. Итак, жанр рождественского рассказа в современной прозе не утрачивает своей актуальности, но переосмысливается, приобретая черты иронии,

обогащаясь бытовыми деталями, иной системой образов. Женские персонажи выходят на передний план, трансформируются из статичных образов невинных девушек, будущих жен и хранительниц очага, порой утрачивают и материнские функции, характерные для литературы прошедших эпох, становятся более сложными, многогранными. Богородичные мотивы отходят на второй план или вообще исчезают, счастливый финал после рождественского чуда вписывается в будни. Гендерные роли изменяются, женщины берут на себя все больше мужских функций, что в целом отвечает настроениям времени [Ковтун, 2022в]. Теряют свою актуальность образы вдов. Теперь, чтобы вызвать сочувствие читателя, достаточно того, что героине приходится решать массу проблем самостоятельно, а поиск любви, сочувствия зачастую оказывается тщетным. Фигура женщины – хранительницы очага отходит в прошлое, ей на смену приходит образ сильной, решительной, волевой женщины, ко всему привыкшей. Сама идея семейного очага отчасти нивелируется, но именно такие праздники, как Рождество и Новый год, поддерживают идею единения, собирания семьи под одной крышей.

Несмотря на изменение системы образов, современные авторы подчеркивают потребность в сохранении главных человеческих качеств, независимых от гендера, – милосердия и любви к ближнему, проблема утраты гуманизма в ситуации неопределенности волнует современных писателей гораздо сильнее.

Библиографический список

1. Александров Л.Г. Мистические суеверия и гадания в журнальном святочном рассказе (вторая половина XVIII – первая половина XIX) // Вестник ЧГПУ. 2009. № 22. С. 10–14.
2. Бурылова А.В. Образы героинь повести «Неделя как неделя» Н.В. Баранской и романа «Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1981 году» Те Нэм Джу в свете гендерной проблематики // Сибирский филологический форум. 2022. Т. 17, № 5. С. 66–72.
3. Даниленко Ю.Ю. Трансформация жанра рождественского рассказа в современной литературе (Д. Быков, Л. Петрушевская) // Проблемы исторической поэтики / под ред. В.Н. Захарова. Петрозаводск, 2014. Вып. 9. С. 587–598.
4. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра: монография. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.
5. Захаров В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1994. Т. 3. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (дата обращения: 15.05.2023).
6. Калиниченко О.Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла): монография. Волгоград, 2000. С. 100–103.
7. Ковтун Н.В. Герои-мужчины в поисках мудрости (на материале прозы В. Распутина) // Сибирский филологический форум. 2022а. Т. 20, № 3. С. 4–18.
8. Ковтун Н.В. Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди? // Вестник Новосибирского национально-исследовательского университета. 2022б. Т. 21, № 2. С. 108–118.

9. Ковтун Н.В. Современная литература в поисках героя времени // Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков: монография / науч. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта, 2022. С. 8–32. (Универсалии культуры. Вып. XIII).
10. Козина Т.Н. Жанровое своеобразие рождественского и святочного рассказов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 4 (168). С. 137–144.
11. Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: сб. матер. VIII Всероссийской научной конф. с международным участием / отв. ред. Т.Н. Маркова. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 231 с.
12. Ляпина А.В. Рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» в контексте праздничной традиции середины XIX века и педагогических воззрений автора // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 263–267.
13. Напцок Б.Р. Жанровые инварианты и своеобразие поэтики рождественской прозы (на материале русской литературы XIX – нач. XX вв.) // Вестник АГУ. 2017. Вып. 2 (197), № 12. С. 144–149.
14. Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта; Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2022. 260 с.
15. Петрушевская Л.С. Котенок Господа Бога. М.: Астрель, 2012. 412 с.
16. Петрушевская Л. По дороге Бога Эроса: повести, рассказы. М.: Олимп, 1993.
17. Рождественские истории / ред. Н. Поликсенова. Минск: Полифакт, 1991. 53 с.
18. Садовникова Т.В. «Происходило Рождество...»: рождественский рассказ в художественном мире Л. Улицкой // Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: сб. матер. VIII Всероссийской научной конф. с международным участием (Челябинск, 10–11 декабря 2015 г.) / отв. ред. Т.Н. Маркова; Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 231 с.
19. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы / сост. Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 2. 245 с.
20. Старыгина Н.Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 2. С. 113–127.
21. Улицкая Л.Е. Люди нашего царя. М.: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2021. 412 с.

Сведения об авторах

Ковтун Наталья Вадимовна – доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского; e-mail: nkovtun@mail.ru

Бурылова Арина Викторовна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: arlen91@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-324-25-36

TRANSFORMATION OF FEMALE IMAGERY IN CHRISTMAS STORY: FROM TRADITIONALIST PROSE TO 21ST CENTURY TEXTS

N.V. Kovtun (Krasnoyarsk, Russia)

A.V. Burylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The genre of a Christmas story has existed since the 19th century, and is still in demand by authors and readers. However, changes in society affect major trends within literature. Even a genre as narrow and well-established as the nativity story has changed with regard to gender issues.

The purpose of this article is to examine how the images of women in the Christmas story genre have been transformed in terms of gender issues.

The following *methods* are used in the work: historical-cultural and structural-typological analysis of the text.

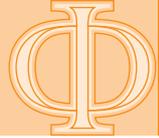
Research results. The typology of female characters in a Christmas story is usually quite stable – an orphan girl, a mother, an old woman and a young girl about to get married. These images have also moved into modern texts, but have undergone changes.

Conclusions. The genre of a Christmas story in modern prose does not lose its relevance, but it is being rethought, and with it the system of images is changing. Female characters come to the fore, transform from static images of innocent girls, future wives and hearth keepers, characteristic of the canon, become more complex, multifaceted, acquire androgynous features. The Virgin motifs in the images fade into the background or disappear altogether, gender roles change, women take on male functions, which generally corresponds to the mood of the time.

Keywords: *Russian prose, Christmas prose, gender issues, L. Ulitskaya, L. Petrushevskaya.*

References

1. Alexandrov L.G. Mystical superstitions and fortune-telling in the journal saint story (second half of XVIII – first half of XIX) // Vestnik ChGPU. 2009. No. 22. P. 10–14.
2. Burylova A.V. Images of the heroines of the novella “A week like a week” by N.V. Baranskaya and the novel “Mrs. Kim Ji-Yong, born in 1982” by Te Nem Ju in the light of gender issues // Siberian Philological Forum. 2022. T. 17, No. 5.
3. Danilenko Y.Yu. Transformation of the Christmas story genre in modern literature (D. Bykov, L. Petrushevskaya) // Problems of historical poetics / ed. by V.N. Zakharov. Petrozavodsk, 2014. Vol. 9. P. 587–598. P. 66–72.
4. Dushechkina E.V. Russian Christmas story: the formation of the genre: a monograph. St. Petersburg: Language Center of SPbSU, 1995. 256 c.
5. Zakharov V.N. Easter story as a genre of Russian literature // Problems of Historical Poetics. 1994. Vol. 3. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (access date: 15.05.2023).
6. Kalinichenko O.N. Fates of Small Genres in Russian Literature of the end of XIX – beginning of XX Century (Saint and Easter Stories, Modernist Novella): monograph. Volgograd, 2000. P. 100–103.
7. Kovtun N.V. Male heroes in search of wisdom (on the material of V. Rasputin's prose) // Siberian Philological Forum. 2022. Vol. 20, No. 3. P. 4–18.
8. Kovtun N.V. Who are they, heroines of modern prose: “Baba-bogatyarka”, “Baba with a pillow” or Business Lady? // Bulletin of Novosibirsk National Research University. 2022. Vol. 21, No. 2. P. 108–118.

9. Kovtun N.V. Modern literature in search of the hero of time // The image of the hero of modernity in prose of the turn of the XX–XXI centuries: monograph / scientific ed. N.V. Kovtun. Moscow: Flint, 2022. P. 8–32. (Universals of culture. Issue XIII).
10. Kozina T.N. Genre uniqueness of Christmas and saint stories // Izvestia Ural Federal University. Ser. 1: Problems of education, science and culture. 2017. Vol. 23, No. 4 (168). P. 137–144.
11. Literature in the context of modernity: Genre transformations in literature and folklore: proceedings of the VIII All-Russian scientific conference with international participation / ed. by T.N. Markova. Chelyabinsk: LLC “Encyclopedia”, 2015. 231 c.
12. Lyapina A.V. Dostoevsky's story “The Boy at Christ's Christmas Tree” in the context of holiday tradition of the mid-19th century and pedagogical views of the author // Vestnik of Omsk University. 2012. No. 1. P. 263–267.
13. Naptsov B.R. Genre invariants and the originality of the poetics of Christmas prose (on the material of Russian literature of XIX – early XX centuries.) // Bulletin of ASU. Is. 2 (197). No. 12. P. 144–149.
14. Image of the hero of modernity in the prose of the turn of the XX–XXI centuries / edited by N.V. Kovtun. Moscow: Flinta; Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2022. 260 p.
15. Petrushevskaya L.P. Kitten of the Lord God. Moscow: Astrel, 2012. 412 c.
16. Petrushevskaya L. On the Road of the God of Eros: Stories, Stories. Moscow: Olympus, 1993.
17. Christmas Stories / ed. by N. Poliksenova. Minsk: Polifakt, 1991. 53 p.
18. Sadovnikova T.V. “Christmas was happening...”: Christmas story in the artistic world of L. Ulitskaya // Literature in the context of modernity: Genre transformations in literature and folklore: proceedings of the VIII All-Russian scientific conference with international participation (Chelyabinsk, December 10–11, 2015) / ed. by T.N. Markova; Chelyabinsk State Pedagogical University. Chelyabinsk: Izd-vo OOO “Encyclopedia”, 2015. 231 p.
19. Dictionary-indicator of plots and motifs of Russian literature / comp. E.V. Kapinos, E.N. Proskurina. Novosibirsk: Izd-vo SO RAS, 2006. Vol. 2. 245 p.
20. Starygina N.N. Christmas story as a genre // Problems of Historical Poetics. 2013. No. 2. P. 113–127.
21. Ulitskaya L.E. People of our Tsar. Moscow: Edited by Elena Shubina: AST, 2021. 412 c.

About the authors

Kovtun Natalia Vadimovna – DSc (Philology), Professor, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); Member of the Presidium of the Society of Russian Literature; Head of the Scientific School of Contemporary Literary Process: Tradition and Innovation; Editor-in-Chief of the scientific literary series Universals of Culture; e-mail: nkovtun@mail.ru

Burylova Arina Viktorovna – PhD Candidate, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: arien91@mail.ru